

УДК 343.378

Иммунитет в уложениях российской империи (XIX-XX вв.)**Герфанова Е.И.**Ассистент кафедры уголовного права
Казанского (Приволжского) федерального университета

В статье рассмотрены вопросы регулирования института иммунитета в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и Уголовном уложении 1903 г. как одного из обстоятельств, характеризующих действие уголовного закона по кругу лиц; раскрыто содержание терминов «иммунитет», «внеземельность», «экстерриториальность», показано их соотношение между собой. Дана характеристика принципа взаимности при предоставлении иммунитета представителям иностранного государства.

Ключевые слова: иммунитет, посол, дипломатический иммунитет, иностранец, международный иммунитет, уголовное законодательство, Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., Уголовное уложение 1903 г.

Иммунитет как правовой институт возник достаточно давно [1, с. 66-88] и развивался вначале в недрах международного права, отражая особый статус посла иностранного государства [2, с. 5; 3, с. 163]. Еще Гуго Гроций писал, что, «согласно международному праву, посол представляет собой особу своего монарха¹, он находится как бы вне территории того государства, в котором выполняет свои функции. Отсюда следует, что он не обязан соблюдать законы страны, в которую послан. Если он совершил преступление, то следует либо закрыть на это глаза, либо выслать его за пределы государства; в случае если преступление его наносит стране, где он является послом, существенный ущерб, нужно потребовать от его государства либо наказания, либо выдачи посла. Такой же неприкосновенностью пользуются свита посла и его имущество» [4, с. 430-431].

Следует заметить, что в литературе, наряду с указанным понятием, используется термин «привилегия», между тем соотношение между ними авторы определяют по-разному. Одни, например,

¹ Именно этим обстоятельством в древности объяснялась сакральность личности посла, его неприкосновенность приравнивалась к неприкосновенности монаршей особы; посол являлся «*alter ego*» («второе я») главы государства, которое он представлял в зарубежной стране.

Обида, нанесенная послу, наносится всему народу: «Кривда посольская есть кривда всех народов»; «посла обидивши, нет вымовы и никто оправданья не имеет» [2, с. 6].

считают, что по содержанию они совпадают, являются синонимичными [5, с. 159]; другие полагают, что эти понятия существенно различаются между собой [6, с. 12]; третьи воспринимают иммунитет родовым понятием, охватывающим и привилегии [7, с. 138-139].

В дореволюционном уголовном праве России использовался термин «внеземельность». Однако надо сказать, некоторые ученые считали, что им некорректно обозначать иммунитет в уголовном праве и надо говорить об экстерриториальности [8, с. 147]. Справедливости ради следует отметить, что и понятие экстерриториальности воспринималось не всеми учеными. Например, П.П. Пусторослев писал: «Эта фикция или вымышленное предположение состоит в том, что некоторые лица, хотя и находятся в действительности в пределах территории чужого государства, но считаются находящимися вне этих пределов и как бы поэтому признаются не подчиненными туземным властям и законам и не подсудны туземным судам того чужого государства, на территории которого действительно пребывают» [9, с. 102].

Примерно то же самое утверждал Н.Д. Дурманов, считавший, что «термин "экстерриториальность" ... в юридической науке появился в середине XVIII в. и означал гораздо большее, чем неподсудность судебным органам государства, на территории которого

совершено преступление. Он выражал юридическую фикцию, согласно которой определенные части территории государств: здания иностранных посольств, миссий и др., или их средства транспорта, а также определенные лица, прежде всего, дипломатические представители иностранных государств, юридически признаются находящимися на территории не того государства, где они реально находятся, а той страны, чье посольство занимает это здание или интересы которой представляет данный посол» [10, с. 216].

Использование термина «экстерриториальность» объяснялось, исходя из концепции, согласно которой посол, его резиденция и персонал посольства рассматривались властями страны пребывания как находящиеся «за пределами государства». Это приводит «к абсурдным выводам... Ограничимся предположением, что основной принцип предоставления дипломатам возможности свободно и без ограничения выполнять свои функции достаточен для определения необходимых им иммунитетов» [11, с. 69-70].

Характеризуя институт уголовно-правового иммунитета, Н.С. Таганцев отмечал, что «изъятия допускаются по принципам международного уголовного права, а именно по началу вземельности, или экстерриториальности, в силу которого известные лица, хотя и пребывающие в нашей стране, признаются более или менее изъятими из-под действия наших законов. Изъятия эти устанавливаются малопомалу в международных отношениях, и в силу его признания законодательной властью отдельных государств обратились в праве вземельности известной группы лиц. Всего полнее оно применяется к законам уголовным...» [12, с. 124-125].

Н.С. Таганцев выделял две группы лиц, на которых распространялся принцип вземельности:

а) главы иностранных государств. В этом случае необходимо, чтобы: данное лицо не только фактически являлось главой соответствующего государства, представляло верховную власть, но и было признано Российским государством; не утратило принадлежащей ему власти (при этом не имеет значение – представляет монархию или республику); страна, глава которой находится в России, не состояла с ней в войне (в противном случае это лицо, как непритель, не будет обладать иммунитетом);

б) дипломатические агенты. Они даже во время войны пользуются правом неприкосновенности; насилие по отношению к ним со стороны власти или народа, к которому они прибыли, порицалось. «Еще полнее применялся этот принцип неприкосновенности к посольствам народов невраждебных, находившихся в мире, таким образом выработались идеи о неприкосновенности личности посла и об изъятии его из-под действия местных законов. Подобно тому как суверенное государство не может быть подчинено

действию законов другого государства, так и его представитель, как носитель этой суверенности как таковой, не может подлежать суду и наказанию по законам той страны, в которой он находится» [12, с. 125].

В европейских странах законодательное закрепление институт иммунитета получил начиная с XVII в. Однако положения об иммунитете, к сожалению, часто нарушались. В.Э. Грабарь приводит ряд таких случаев. Например, многие сотрудники посольства в качестве пленников были увезены в Польшу; во Франции пытались задержать нашего посла М.В. Салтыкова; в Лондоне оскорбили посла в печати и др. Нередко подвергала аресту иностранных дипломатов Турция, заключая их в Семибашенный замок (Едикуль). В нем содержались русские дипломаты П.А. Толстой и П.П. Шафиров. Русский посол в Стокгольме князь А.Я. Хилков пробыл в заключении 18 лет, вплоть до самой своей кончины [2, с. 5-6, 63].

Справедливости ради надо сказать, что права дипломатических агентов нарушались и в нашей стране [13].

В России впервые уголовно-правовой статус иностранных граждан (подданных) в общих чертах представлен в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [14, с. 209] Отделение 2 «О действии постановлений сего Уложения на иностранцев, в пределах государства находящихся» (ст.ст. 175-178) гл. 2 Уложения «О пространстве действия постановлений сего Уложения» было посвящено регулированию уголовной ответственности указанных лиц.

В ст. 175 Уложения о наказаниях говорится: «Иностранцы, в России жительствующие или в одной пребывающие, подлежат действию законов о наказаниях уголовных и исправительных на том же основании, как и подданные российские, если о ком-либо из сего изъятия не сделано особенного постановления в договоре с тою иностранною державою, у коей они находятся в подданстве». Из данной статьи видно, что принцип экстерриториальности законодатель закрепил в самом общем виде, указав лишь на возможное изъятие из правил действия уголовного закона по кругу лиц. Последние также в уголовно-правовой норме не определены, названы только условия отнесения их к пользующимся правом экстерриториальности: наличие соответствующего договора с зарубежным государством [15].

Эти и другие недостатки уголовно-правового закрепления иммунитета в Уложении о наказаниях отмечались многими криминалистами. Так, указывалось, что «это начало не может по всей строгости быть применимо к преступлениям, совершаемым на иностранных купеческих судах между лицами, состоящими в составе экипажа тех судов, так как положение экипажа судов, стоящих в территориальных водах государства, не может быть во всех отноше-

ях сравниваемо с положением иностранцев, находящихся внутри государства» [16, с. 169]. Во-первых, нарушения требований по службе не могли попадать под действие российского закона, иностранные лица в этом случае несут ответственность по законодательству страны, подданными которого они являются. Во-вторых, при совершении так называемых общих преступлений изъятие из общего правила действия уголовного закона по кругу лиц возможно при наличии следующих условий: а) деянием не было нарушены спокойствие, тишина и безопасность порта; б) командование судна либо потерпевший не обращались к содействию или покровительству местной власти; в) со стороны дипломатических или консульских агентов было высказано желание препроводить преступника на родину для привлечения к уголовной ответственности [16, с. 196].

Ст. 176 Уложения не носит самостоятельного характера, она конкретизирует положения ст. 175: «В случаях преступлений, содеянных в России принадлежащими к обыкновенным или чрезвычайным посольствам и миссиям держав иностранных, о сем производится установленным для того порядком надлежащее дипломатическое сношение с их правительством». Из уголовно-правовой нормы явствует, что если дипломатическим путем будет установлено желание иностранного государства привлечь его дипломатического или консульского агента в России, то это было вполне осуществимо: каких-либо препятствий законодательство не содержало, в теории также не высказывалось иного мнения [17, с. 197].

Уложение придавало особый уголовно-правовой статус не только руководителям указанных посольств и миссий, но и лицам, относящимся к их персоналу. В ст. 177 Уложения говорится: «Когда иностранцы и вообще люди, находящиеся в услужении послов, посланников, министров и других дипломатических агентов, избличены или подозреваемы в преступлении или проступке, то они требуются к следствию и суду чрез посредство Министерства иностранных дел».

Следует отметить, что уголовно-правовой статус китайцев в Уложении о наказаниях определялся особо. Согласно примечанию к ст. 178 Уложения, они независимо от правового положения на основе принципа взаимности² не подвергались в России уголов-

ной ответственности, а выдавались их правительству, «как и российские подданные, учинившие преступления в пограничных китайских владениях, выдаются для суждения правительству российскому».

В Уголовном уложении 1903 г. [18, с. 240] иммунитет представлен в ст. 5 наряду с такими обстоятельствами, как нераспространение действия уголовного закона на:

1) деяния, наказуемые по законам церковным, воинскому и военно-морскому уставам о наказаниях, Уставу о ссыльных и уставам казенных и административных управлений, а также по особым положениям и узаконениям, в пределах этими законами, уставами, положениями и узаконениями установленными;

2) деяния, наказуемые по обычаям инородческих племен, в пределах, установленных законом;

3) деяния, совершенные в Великом княжестве Финляндском, за исключением случаев, особо в законе оговоренных.

Относительно же иммунитета как такового в законе говорилось: «Действие ... Уложения не распространяется на ... 4) преступные деяния иностранцев, пользующихся в России правом внеземельности».

Таким образом, можно сделать вывод, что в последних уголовных уложениях Российской империи институт иммунитета не нашел своего полного и всестороннего отражения.

Литература:

1. Чучаев А.И., Крупцов А.А. Уголовно-правовой статус иностранного гражданина: понятие и характеристика. – М., 2010. – 184 с.
2. Грабарь В.Э. Материалы к истории литературы международного права в России (1647-1917). – М.: Зерцало: Гарант, 2005. – 847 с.
3. Моджорян Л.А. Правовое положение дипломатических представительств и их персонала // Сов. ежегодник международного права. 1974. – М., 1976. – С. 156-167.
4. Гроций Г. О праве войны и мира. – М., 1965. – 868 с.
5. Андреев С. Дипломатические привилегии и иммунитеты // Международная жизнь. – 1986. – № 6. – С. 159-160.
6. Кардашев В.Г. Неприкосновенность помещения дипломатического представительства и ее гарантии в современном международном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1986. – 22 с.
7. Агаев Ф.А. Иммунитеты в российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1997. – 168 с.

² Принцип взаимности – в международном праве общепризнанный принцип межгосударственных отношений, в соответствии с которым государства должны строить отношения друг с другом на взаимовыгодной, равноправной основе, с учетом интересов другой стороны.

По мнению А.Ф. Кистяковского, исходя из начал взаимности, Уложение о наказаниях предусматривает исключения из общего положения о действии уголовного закона по кругу лиц в отношении военнослужащих вспомогательных войск. В этом случае действует принцип личного подчинения, на какой бы территории – своей или чужой – они ни совершили преступление [17, с. 197].

8. Лист Ф. Международное право в систематическом изложении / Пер. – Юрьев (Дерпт), типография К. Маттисена, 1909. – 472 с.
9. Пусторослев П.П. Русское уголовное право. Общая часть. Вып. 1: Введение. Источники уголовного права. Преступление. – Юрьев, 1912. – 546 с.
10. Курс советского уголовного права. В 6 т. Т. 1: Уголовный закон / Под ред. А.А. Пионтковского, В.М. Чхиквадзе. – М., 1970. – 638 с.
11. Вуд Дж., Серре Ж. Дипломатический церемониал и протокол. – М., 2003. – 315 с.
12. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: лекции. Общая часть. В 2 т. – Т. 1. – М., 1994. – 380 с.
13. Авербах О.И. Собрание важнейших трактатов и конвенций, заключенных с Россией с иностранными державами (1717-1906). В 8 т. – Т. 2. – Варшава, 1906. – 585 с.
14. Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. – Т. 6: Законодательство первой половины XIX века. – М.: Юрид. лит., 1988. – 432 с.
15. Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. Пособие к лекциям. Часть Общая. – СПб.: Изд-во: Тип. М.М. Стасюлевича, 1911. – 397 с.
16. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. Издано Н.С. Таганцевым. – СПб.: Гос. тип., 1901. – 925 с.
17. Кистяковский А.Ф. Элементарный учебник общего уголовного права с подробным изложением начал русского уголовного законодательства. Часть Общая. – Киев: Издание Ф.А. Иогансона, 1891. – 850 с.
18. Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. – Т. 9: Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. – М.: Юрид. лит., 1994. – 352 с.

Immunity in the Settlements of the Russian Empire (19th-20th centuries)

E.I. Gerfanova
Kazan (Volga Region) Federal University

The article deals with the issues of regulation of the institution of immunity in the Regulations on punishments of penal and correctional ones in 1845 and the Criminal Code of 1903 as one of the circumstances characterizing the operation of the criminal law in a circle of persons. The content of the terms “immunity”, “extra-land”, “extraterritoriality” is disclosed, and their relationship is shown. The overview of the principle of reciprocity in granting immunity to representatives of a foreign state is given.

Key words: immunity, ambassador, diplomatic immunity, foreigner, international immunity, criminal legislation, Codes about punishments criminal and corrective 1845, the Criminal code of 1903.

